

Рос. вести - 1994 - 31 марта - 913

День из жизни актера Печникова

Андрей ВЕЙМАРН

Утром я встретился с актером Геннадием Печниковым, президентом Рериховского центра, в зале музея имени Бахрушина. Понемногу собирались люди, рассматривали развешанные по стенам архитектурные проекты. Негромко обсуждая их, усаживались вокруг накрытого стола. Так, за чашкой чая, началось организованное Геннадием Михайловичем собрание театральной общественности, посвященное созданию театра Островского...

Шекспировский театр в Англии знает каждый. Мюзиклы, легкомысленное варьете, психологические пьесы современных драматургов не вытеснили пришедший из глухого средневековья «Глобус», в котором до сих пор играют Шекспира, и притом не без успеха. Создатель отечественного театра, «Колумб Замоскворечья», чье столетие отмечалось пару лет назад, такого не имел никогда. Малый театр, перед зданием которого стоит подсвечиваемый вечерами памятник Островскому, держит в репертуаре две его пьесы. Это из 47 оригинальных, не считая написанных в соавторстве и переводных... Вот и задумала группа энтузиастов, возглавляемая Печниковым, построить театр на территории дома-музея. Проект преподаватель Московского архитектурного института С.С.Ожегов поручил сделать своим старшекурсникам в качестве диплома.

Работы, выполненные студентами, настолько индивидуальны, будто их авторы друг с другом вообще незнакомы. Публике, среди которой были драматург Виктор Розов, театроведы Андрей Томашевский и Елена Полякова, Лидия Постникова, заведующая музеем Островского, понравился театр, повораживающийся вместе с публикой к различным элементам паркового ландшафта с зимним садом по обе стороны сцены.

Неожиданно развернулась острая дискуссия. Четкого представления, каким должен быть театр Островского - клубным, в котором играла бы постоянная труппа, или домом культуры, в котором могли бы выступать гастролеры, не было ни у кого. Должен ли он быть частью музея или, наоборот, поглотив его, стать комплексом русской драматургии? Искать ли на проектирование и строительство спонсора или, воспользовавшись идеей пьесы «Не было ни гроша, да вдруг алтын», объявить благотворительную подписку? Театральная общес-

твенность оказалась едина только в одном - надежд на Фонд русского театра, Союз театральных деятелей и Министерство культуры возлагать не следует.

Вечером мы снова встретились с Печниковым, теперь уже в Академическом молодежном театре, в котором он играет 46 лет после окончания школы-студии МХАТ. В этом году на исходе его пятидесятый сезон. На малой сцене давали в тридцатый раз спектакль «Богатые невесты», поставленный Геннадием Михайловичем. Актеры, занятые в пьесе - Редько, Маликова, Карпушина, Подъяпольский, - его бывшие ученики.

- Малая сцена, - рассказывает Геннадий Михайлович, - возникла из нескольких коммунальных квартир. Когда сломали перегородки и вымели тараканов, образовалось пространство для сцены размером 18х7 метров и зрительного зала на сорок человек. Для начала решили поставить пьесу Островского «Бедность не порок», в основе которой лежат вопросы взаимоотношений денег и совести, вполне созвучные времени. Чтобы вести со зрителем доверительный разговор о человеческих чувствах, находясь от него на расстоянии вытянутой руки, нельзя допустить фальши ни в costume, ни в поведении, ни в интонации, ни в жесте. Здесь для актера важнее всего школа! Спектакль оформил художник Эдуард Змойра, известный благодаря постановкам сказок. Умер он, фактически открыв новую страницу своей биографии, поразив всех глубиной проникновения в мир Островского.

- В спектакле вы были блестящи, а вот мероприятие в музее Бахрушина, - продолжаю я начатый утром разговор, - не стало для вас ни успехом, ни провалом. Наверное, актер в первую очередь должен играть. Сколько организаций считают вас своим: Центр Рерихов, правления Театрального общества и Центрального дома работников искусств. Не разбрасываетесь ли вы, не мешает ли одно другому?

- Приоритеты определены для меня раз и навсегда. В первую очередь я актер, перед спектаклем не пойду даже на заседание совета Рерихов. Играть в театре распотрошенному нельзя.

Связь моей работы в пьесах Островского и в Центре Рерихов глубока, но не столь очевидна. И тот, и другой были людьми русского Ренессанса, любили старину, вдоль и поперек изъездили все Поволжье. Только невежды считают Рериха восточным человеком. Это не так! Вспомните его картины - они обра-

щены именно к русской истории. В Дягилевских балетных сезонах Рерих открыл Русь европейцам, и не случайно, что Станиславский, создавая в 1926 году оперный театр, приглашал к сотрудничеству Рериха!

Времена, когда на первом месте у людей забота о хлебе насущном, для театра смерти подобны. Многие яркие, талантливые актеры сегодня в простое. Я занят в трех спектаклях - в «Отверженных» Гюго, «Богатых невестах» Островского и «Капитанской дочке» Пушкина. Это негусто... Вакуум вынужденного безделья стараюсь восполнить общественной деятельностью. Она помогает мне держаться на высоте, впитывать конгломерат современных образов, проблем и размышлений, чтобы затем выплеснуть их в театральном спектакле. Как бы ни менялись времена и одежды, человеческие страсти - а именно они являются рабочим инструментом актера - со времен Гомера и Махабхараты остаются неизменными.

Есть и еще одна причина, заставляющая меня заниматься организаторской деятельностью. Раньше состоятельные люди тащили в Россию со всего мира архитекторов, учителей, театральные труппы. Все это складывалось в общенациональную копилку. Теперь состояние библиотеки, музеев, да и вообще нашей культуры трагично. Невежество временщиков, облеченное властью, грозит распылить былые богатства. Я, как и многие другие, считаю своей главной задачей сохранять просветительскую линию в русском искусстве, делать его общенародным и общедоступным. Все остальное не так уж важно!

Фото Виктора Камеко.